

расширительное толкование термина „петровская эпоха“ здесь налицо.

Между тем такое суммарное пользование понятием и термином „петровская повесть“ только мешает развитию наших знаний в области истории русской повести и пониманию этой части русского литературного процесса.

Пора пересмотреть и самые так называемые „петровские повести“, и понятие и термин „петровская повесть“.

Было время, когда выдвинутый в дореволюционном литературоведении термин „петровская повесть“ играл прогрессивную роль. Он позволил объединить ряд повестей, отличительной чертой которых было наличие более демократического героя, более реалистическое, чем в старой повести, содержание, более простой язык, наконец отражение реалий петровского, как тогда казалось, времени.

В настоящее время наши знания литературы послепетровского времени, а также и истории литературного языка того же периода значительно глубже, чем в дореволюционном литературоведении. Мы знаем, что „варваризмы петровского времени“ не исчезли мгновенно со смертью Петра, а продолжали еще очень долго, до 1760-х гг., употребляться в административно-канцелярской практике, а Петр Орлов, автор „Истории королевича Архилабона“, как раз и был канцелярским служащим. Вообще же хронологическое приурочение путем отыскания „варваризмов петровской эпохи“ нельзя считать правильным. Ведь варваризмы не только появляются и исчезают, но и какой-то период „обращаются“, иногда довольно долго. Поэтому ошибочно датировать произведение по начальному периоду употребления того или иного „варваризма“, а должно искать более точных опорных данных; в настоящее время в советском литературоведении не принято определять датировку подобными ненадежными способами.

Советские литературоведы умеют сейчас более осторожно анализировать „содержание“ „петровских повестей“ и обнаруживать в них черты более позднего времени.

Таким образом, в настоящее время понятие „петровская повесть“ надо и можно дифференцировать.

Бесспорно повестью петровского времени является, на наш взгляд, только „История о российском матросе Василии Кориотском“ или, как, повидимому, более правильно, читается в некоторых списках, „Василии Кириацком“. Здесь налицо не только „дух“ и реалии петровской эпохи, но, надо полагать, и отражение конкретных исторических воспоминаний. К числу последних следует отнести эпизод пребывания героя повести у цесаря. Как известно, политические эмигранты из петровской России (царевич Алексей, кн. А. П. Прозоровский¹ и др.) бежали к австрийскому императору.

¹ С. Ф. Платонов. Б. И. Куракин и А. П. Прозоровский (1697—1720). Доклады АН (ДАН-В), 1929, № 12, стр. 236—243.